

Александр Шакилов

[ГЕРОИ ЗОНЫ]

МЫ-МУТАНТЫ

Александр Шакилов
Мы – мутанты
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Герои Зоны», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7728784
Александр Шакилов. Герои Зоны. Мы – мутанты: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084408-1*

Аннотация

Макс Край потерял все, кроме веры в нас, обычных людей. И потому он рискнет жизнью, чтобы спасти всех наших родственников и друзей, которые даже не подозревают о смертельной угрозе. Вместе с командой легендарных сталкеров Чернобыля Макс предстоит сразиться с кровожадными монстрами, обойти ловушки запретной зоны и остановить тех, кто намерен превратить человечество в расу агрессивных мутантов!

Но даже столь опытному воину, как Край, миссия вряд ли окажется под силу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Шакилов

Герои Зоны. Мы – мутанты

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Компромат

Я проснулся посреди ночи из-за того, что в квартире кто-то был.

С кухни доносились приглушенные голоса, и определенно там горел свет. А я ведь дома один. Ну просто категорически совсем-совсем один. Так что диагноз ясен, как июльский полдень на пляже: допился Максимка Краевой по прозвищу Край до молочно-белой горячки, вот и мерещится всякое...

Звонко треснув, мой череп распался на куски, в ротовой полости захрустел горячий песок осколков, на который прослабило с десятков котов. Да уж, чувствовал я себя отвратней, чем после контузии в банановом раю, где отслужил срочную. Я приподнялся на локтях – старый диван подо мной предательски скрипнул, и зашелестели коробки от пиццы, внаброс заминировавшие смятую простыню.

«А вдруг это Милена с Патриком вернулись?!» – молнией сверкнуло перед глазами, на миг озарив затхлую, провонявшую алкоголем комнату, побитую в припадке бессильной ярости мебель и продырявленный пулями телевизор.

Не помня себя от неожиданного счастья, мгновенно позабыв о похмелье, я вскочил со своего унылого лежбища и, в чем мать родила, помчался на голоса и свет, на ходу сшибая босыми ногами пустые бутылки. Стеклотара, обиженно звеня, покатила по полу.

Я же радостно завопил:

– Сынок! Любимая!

Милена, супруга моя – она в маечке и джинсах, ничуть не прикрывающих изгибы ее тела, – наверняка сидит на табурете за столом, застеленным полиэтиленовой пленкой в квадратик. А на плече у нее сумочка из лиловой кожи молодого дерматина. И копна светлых волос струится по спине до самых ягодичек. А рядом с ней – я в этом уверен на все сто – приломился Патрик, мальчишка шести годков от роду, такой же голубоглазый, как мамочка. А в руках у Патрика, конечно, его обожаемая машинка – красная, гоночная...

Схватившись за ручку сильнее, чем утопающий хватается за спасательный круг, я дернул кухонную дверь на себя.

И внутри у меня все оборвалось, а в душе стало безнадежно пусто и до безумия тоскливо.

Чудес не бывает.

Господи, если ты есть, скажи, почему в нашем ни хрена не рациональном мире, мире безумном, бессмысленно жестоком, идиотски глупом, нет места чудесам, пусть даже крохотным, личным?!

В плотке заклокотало, под веками набухла влага. А вот этого не надо. С трудом, но сдержавшись, я проследовал на кухню. На столе, действительно застеленном полиэтиленовой пленкой в квадратик, лежал большой толстый конверт, стояла литровая бутылка дешевого виски, – на треть полная! – а рядом с ней пристроился ее неизменный спутник, граненый стакан. И еще обожаемая машинка сына, при виде которой у меня кольнуло сердце. Но ни Патрика, ни Милены на кухне не было. За столом, бесцеремонно, по-хозяйски положив руки на столешницу, сидели двое в штатском.

Их я узнал сразу. Да и как не узнать милейших парней, чудо-следопытов, которые однажды намеревались отрезать мне голову и продать ее Гордею Юрьеву – байкеру по кличке Рыбачка – всего-то за сотню тысяч евро?..¹

¹ Подробнее об этих событиях в романе А. Шакилова «Хозяин Янтара».

Так что, обнаружив старых знакомых у себя дома в третьем часу ночи, я, конечно, очень обрадовался.

Третий незванный гость стоял возле окна и задумчиво пялился на проспект Косиора – по раздолбанному асфальту как раз катил троллейбус. Только я вошел, третий – лишний! ты здесь лишний! – обернулся ко мне. Этот чудак – а лет ему было тридцать-тридцать пять, то есть уже не пацан – зачем-то напялил на себя вызывающе приталенную пижаму: ярко-розовой расцветки, с голубыми лилиями-аппликациями и громадными, размером с блюдце, пуговицами. На башке у чудилы над чисто выбритыми висками петушиным гребнем встопорчился малиновый «ирокез». В проколотой ноздре торчало кольцо. Логично было узреть на ногах туфельки на высоких каблуках, но тут Панк – так я мысленно окрестил чудилу – разочаровал меня: топтать линолеум моей кухни он предпочел каблуками армейских ботинок.

Где-то я видел его мерзкую рожу. Но где и как мы пересекались?.. Нет, не помню. Ну да бог с ним, с пьяных глаз и зеленая жаба царевной покажется. Нет у меня таких колоритных друзей, родственников и соседей.

Я перевел взгляд на парочку за столом:

– Двое из ларца одинаковых с лица. Живы еще, дурилки?

Того, кто сидел на табурете слева, звали Турок. Волосы у него темные, а лицо щекастое – ему будто по малолетству в башку накачали воздуха, да так и не спустили. Рукава рубашки он закатал по локти, на кистях чернели кожаные перчатки. Интеллигент хренов, боится испачкать мизинчики. А где его любимый Maschinen Pistole 40, который при стрельбе трясется, как припадочный? Точно не на моей кухне. Кстати, Орфей, дружок Турка, – вот он, справа – никогда не расстаётся с самодельным гранатометом. Но не в этот раз. Такое впечатление, что чудо-следопыты заявили ко мне налегке, без огневой поддержки. И что бы это значило?.. Ладно, их оружие – их личное дело. Но какого черта они тут делают?! Не помню, чтоб я их приглашал. По правде говоря, я вообще мало что помню из случившегося за последние дни...

Башка трещала немилосердно. Я мучительно соображал, как и о чем с троицей разговаривать. Бесплезно. Мои разум и тело пребывали в плену алкоголя: мысли путались, взгляд фокусировался с трудом.

– Со свиданьем! – хмыкнул Турок. – У нас к тебе дело, Край...

Я тут же его перебил:

– Здорово, парни. Сто лет не виделись. И еще столько же на ваши образины не смотрел бы.

Я давно в том возрасте и в том положении, когда можно и хочется говорить то, что думаешь, наплевав на условности и ложное – по отношению к сволочам – чувство такта. К тому же, в связке «Турок—Орфей» главным всегда был Орфей. А Турок всего лишь на подхвате. Так на кой мне слушать вяканье шестерки?

– И тебе не хворать, Край, – недовольно пробурчал Орфей, избегая смотреть в мою сторону, и добавил: – Ты бы срам прикрыл, что ли.

Это он верно подметил. Меня и одетым испугаться можно, а уж когда я нагишом!.. На моем плече татуировка – скорпион под парашютом. И по всему телу узоры шрамов. Обычно скоблю щеки дважды в день, но все равно морда сизая, а нынче я уж и позабыл, как выглядит бритва. И одеваюсь я не от-кутюр. Очень скромно одеваюсь. Скромнее некуда. Гости уже в этом убедились.

– Мне от друзей скрывать нечего. – Неспешно я подошел к холодильнику, чуть ли не физически ощущая: за каждым моим движением внимательно следят.

– Хорошо, – примирительно выдал Орфей мне в спину. – Это очень хорошо, что от нас тебе скрывать нечего. Именно поэтому у нас есть деловое предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

– Не смогу? – я обернулся к Орфею. – Братишка, мне показалось, или ты мне угрожаешь?

Помню, раньше он неважно выглядел: седая растрепанная бородка, мелкаячестая сеть морщин на лбу, грузное тельце, широкое в талии и узкое в плечах. Чернобыль не сделал его моложе и красивее. Но сейчас в движениях Орфея присутствовала легкость, и растительность на лице приобрела аккуратные благородно посеребренные очертания, лоб стал гладким, а тело – чуть ли не поджарым. Взглянув раз на нынешнего Орфея, сразу поймешь: перед тобой опасный боец, бывший инструктор-рукопашник Иностранного легиона, а не почтенный отец благородного семейства. И это притом, что одет он был в простенькие рубашку и брючки без намека на камуфляж.

– Слышь, гусь, ты бы того... ну, не этого... А то! – Людей, которые ему не нравились, Турок называл гусями, а то и вообще петушками.

Однако нескромно щекастенький себя ведет. Без спросу влез в мой дом, сел за мой стол на моей кухне, и еще вякает что-то в мой адрес?!.. Я почувствовал, что закипаю. Надо срочно охладиться. Открыв холодильник, забитый коробками с замороженной пиццей, достал бутылку минералки, в одно движение свинтил крышку и жадно припал к горлышку.

И надо ж было в этот момент подать голос Панку:

– Как говорится, поздно пить «боржоми», когда...

Это стало последней каплей. Хряпнув бутылку о дверцу холодильника, – только осколки с брызгами полетели, – я выставил обретенную «розочку» перед собой и, выпучив глаза, заорал:

– Хрена вы тут забыли?! Я никого к себе не звал! Пошли все вон!!!

Откровенно говоря, я надеялся, что троица купится на показную истерику, и бутылку разбил лишь затем, чтобы отвлечь внимание, а сам тем временем быстро подхватил с полки холодильника свой безотказный «Форт 14» с уже накрученным глушаком. Ну, вот не люблю соседей будить, убивая вражин по ночам. И да, я храню оружие в холодильнике. А вы где храните? Ах, нигде, у вас его вообще нет? Ну так не учите меня жить!..

Расчет был на то, что любой нормальный человек, увидев перед собой обнаженное пьяное быдло, размахивающее острым стеклом, попросту не обратит внимания на вторую руку быдла. А конечность-то за спиной, где уже снятая с предохранителя волына. Но главное, я хотел вывести незваных гостей из себя. На некоторых стоит лишь легонечко нажать, чтоб из них тут же брызнуло вонюченьким. Даже в нынешнем своем состоянии я понимал, что неспроста понадобился Орфею с Турком, и что все очень серьезно, раз они демонстративно пришли с миром, без стволов. Когда убийцы корчат из себя безобидных овечек, жди кровавой бани. И потому важно выяснить если не всю правду, то хотя бы ее подобие.

– Ща всех порежу!!! Всем галстуки пошью!!! – надрывал я глотку, намекая, что собираюсь вскрыть гостям горло и через дыру вывесить наружу язык.

В стену застучали – мол, сосед, хватит уже, сколько можно.

Я тут же заткнулся.

Испугался гнева тех, кому не повезло жить со мной на одном этаже? Как бы не так.

Увы, спектакль одного актера с треском провалился: троица проигнорировала мой демарш. Турок и Орфей на меня даже не взглянули. Щекастый взял со столешницы большой белый конверт и, достав из него пачку цветных картинок, принялся их разглядывать и даже пару протянул бородачу Орфею. Панк отвернулся к окну. Его очень занимало происходящее на проспекте.

Вот тут-то я и вышел из себя по-настоящему. А когда Макс Край свирепеет, он голос не повышает, что вы. Он всего лишь убивает. Выхватив «Форт» из-за спины и наведя его на Орфея, я преспокойно сообщил своим незванным гостям:

– Братва, а ну-ка выметайтесь. И живо. Иначе за себя не отвечаю.

– Красивая работа. Профи делал. – Турок отреагировал на мою просьбу вовсе не так, как я хотел. Встав из-за стола, он шагнул ко мне и чуть ли не к лицу поднес картинку, которую только что рассматривал.

Через секунду мой взгляд сфокусировался-таки на изображении. Руки задрожали, и я самым постыдным образом уронил пистолет. Он упал на линолеум и закатился под стол. Оказывается, пока я тут корчил из себя голливудскую знаменитость, чудо-следопыты рассматривали фотографии. *Те самые*. Я и забыл, что оставил их тут на столе. Думал, что сжег или выбросил.

Оттолкнув Турка, я опустил задницу на табурет. Ноги меня не держали.

Вытряхнув из стакана дохлую осу, Орфей щедро – до краев – налил вискаря и подвинул ко мне. Кивнув ему, мол, спасибо, дружище, я взял стакан и поднес к губам, изрядно расплескав пахучую коричневатую жидкость. Да так и замер с открытым ртом, потому что заговорил Турок, и сказанное им встряхнуло меня и враз отрезвило.

– Мы знаем, кто это сделал, Макс. – Затянутыми в черную кожу пальцами Турок вцепился в красную машинку Патрика и прокатил ее по столешнице, а вторую ладонь положил на пачку фотографий. – Монтаж, конечно. Но качественный, не придерешься.

– Кто?! Говори!!! – Я швырнул в него стакан, но сталкер ловко уклонился. Стакан врезался в стену, оставив после себя пахучую кляксу и опав битым стеклом. – Дай сюда! Не смей прикасаться!!!

Турок послушно – ну точно безобидная овечка! – протянул мне игрушку сына.

Однако его выдали глаза. Там я увидел жажду смерти. Он хотел вцепиться мне в горло, я даже почувствовал крепкие пальцы у себя на кадыке. Я подмигнул ему, как бы говоря: «Ну давай же! Чего ждешь? Атакуй!»

Турок отвернулся – точно зверь, не выдержавший взгляда человека.

Глядя на щекастого, и не скажешь, что в башке у него отнюдь не опилки. Он ведь спец по электронике, закончил местный универ в те времена, когда наш провинциальный городок еще не называли Вавилоном. Турок земляк мне. Земеля, ёлы. С его способностями не по Чернобылю лазить, а сидеть бы в НИИ крутой корпорации да изобретать дырку для игольного ушка, получая зарплату с авансом, так нет, потянуло его на подвиги... Наверняка это он вскрыл дверь моей квартиры. Турок – тот самый случай, когда к светлой голове еще и золотые руки прилагаются.

Вытащив из навесного шкафчика другой стакан, Панк подал его Орфею.

– Край, нам нужна твоя помощь. – Огладив бороду, сталкер нацедил в стакан вискаря на три пальца, и нет, чтобы мне, страждущему, предложить, влил в себя, скотина. Еще и зажмурился от удовольствия. Так с закрытыми глазами и закончил реплику: – Ты поможешь нам, а потом мы поможем найти тех, кто тебя подставил.

Я мотнул головой и пожалел об этом: не в моем состоянии совершать столь резкие движения.

– А давай, дружище, так: сначала вы мне говорите, а уж потом я...

– Утром деньги, вечером стулья, Макс, и никак иначе. – Орфей скрестил руки на груди.

– А лучше – только деньги. Без стульев, – нервно хохотнул Панк у меня за спиной.

Похоже, он не представляет, с кем имеет дело, над кем насмешается. Я вообще-то в международном розыске, СБУ вместе с Интерполом по мне плачут. Пора разобраться с ним. Я посмотрел Панку в глаза – и его смех тотчас оборвался.

– Остынь, Край. – Орфей верно истолковал мои намерения. – А ты... Ты заткнись, как договаривались. Иначе я тебя сам... вопреки всему. Понял?! – Последнее уже касалось Панка. Тот беззвучно отступил к окну. – Край, нам известно, что ты недавно совершил паломничество в некие запретные для прочих земли. – Говоря все это, бородач пристально смотрел на меня, будто искал на моем лице подтверждение своим словам.

– Эко ты витиевато. Определенно, жизнь вне Зоны пошла тебе на пользу. В черепе наконец-то мозги выросли. Глядишь, и думать скоро научишься. – Я сделал вид, что намека не понял.

Орфей глубоко вдохнул, выдохнул – и, улыбнувшись мне, налил вискаря в стакан:

– Выпей, Край, и хорошенько подумай. Тебе нужна информация, а нам нужно попасть на Полигон. И мы хотим, чтобы ты провел нас туда. За это мы не только выдадим тех, кто это сделал, – он показал на пачку фотобумаги, испорченной мерзостью, – но и хорошо заплатим. Очень хорошо. Сумму... Ну, скажем, с пятью нулями. Евро.

Отодвинув от себя предложенный стакан, я чуть подумал – и кивнул Орфею:

– Справедливая сделка. Условия более чем приемлемые. Я согласен. Ради того, чтобы наказать сволочь, меня подставившую, я готов на все.

Рожу Орфея исказила довольная ухмылка. Турок панибратски хлопнул напарника по плечу. Панк отклеился от окна и кинулся ко мне, схватил за руку и начал ее тискать, говоря, что очень рад, очень-очень рад, спасибо, Максим, за то, что вы согласились, вы даже не представляете, насколько это важно!..

И вот тут мне стало смешно. Да так смешно, что я, не в силах больше сдерживаться, откровенно заржал, глядя на растерявшуюся троицу.

– Чудо-следопыты просят меня, никчемного бандита, о помощи? Хотят, чтобы я протянул им мозолистую ладонь? Хм... А где волшебное слово «пожалуйста»?

– Пожалуйста, Край, – сцедил сквозь зубы Орфей.

– Помнится, как-то я помог одной сладкой парочке – спас от лютой гибели лучших следопытов, крутых бродяг, обожженных радиацией и ветрами Зоны. Благородно, ёлы, поступил, вывез из передраги на танке! Не надеясь на благодарность, потому что надеяться было наивно и смертельно опасно. Но кто сказал, что я – академик и семи пядей на висках? Глупость – мое второе имя. Кстати, парочку ту звали Турок да Орфей. Хорошие ребята, только вот я с ними дел больше не имею.

– Выручай, бо загнемся без тебя, – прогудел Турок. – Пошматуют на раз на Полигоне, жопой чувствую.

– А ты мне стволом «шмайссера» в затылок ткни, как уже делал. Авось сговорчивей стану! – напомнил я Турку о подвигах давно минувших дней.

Турок покачал головой:

– Легше вовком орати, ніж козаком проти козака воювати². Так что, Край, ничем я в тебя тыкать не буду.

– Да вы совсем, смотрю, мозгами двинулись, раз поверили, что Макс Край рискнет своей шкурой из-за этой хрени! – Я поднялся и смахнул со стола пачку фотографий. Те рассыпались по полу.

Осознав, что вышло не так, как хотелось, Панк слетел с катушек. С яростным криком: «Что тебе терять, сволочь?! Ты ведь теперь один!», он бросился на меня – и оказался на полу. Однако я даже кончиком ногтя его не тронул, хотя готов был растерзать. Меня опередил Орфей – отмашкой руки, по сути пощечиной, он сшиб чрезмерно разговорчивого стилиягу.

² Легче волком пахать, чем казаком против казака воевать (укр., казацкая пословица).

– Край, ты, наверное, меня не услышал... Пусть тебе не нужна информация, но деньги-то? Твои услуги будут щедро оплачены. – Орфей оторвал сиденье от табурета и выпрямился.

– Спасибо за предложение, но оно меня не заинтересовало, – я протянул ему ладошку, как принято на переговорах у офисных хомячков, и улыбнулся. То есть постарался сделать оскал чуть менее кровожадным.

– Жаль. – Орфей ответил крепким мужским рукопожатием, после чего чудо-следопыты помогли Панку подняться и, бережно держа его, отвели к выходу из квартиры. – Если передумаешь, Макс, мы до полудня будем в гостинице «Харьков». – Бывший легионер протянул мне магазин увеличенной емкости на двадцать четыре патрона калибра девять миллиметров: – Презент. От чистого сердца.

Я автоматически взял. Сработала вековая мудрость «Дают – бери, бьют – беги».

Но подарками Макса Края не разжалобить.

– Дружище, ждать меня – только время зря терять. Все равно не приду. Удачной прогулки! Полигон в это время года особенно прекрасен!

Прикрыв дверь за визитерами, – как оказалось, замок был сломан – я ворвался на кухню, стараясь не смотреть под ноги, точнее – на фотографии. И только там, у стола, обнаружил, что прижимаю к груди, с силой вдавливаю в себя машинку Патрика. Едва заставил себя отвести руку и поставить игрушку на столешницу. Затем наклонился, поднял «Форт». Магазины в нем не оказалось, зато «подаренный» Орфеем пришелся впору.

– Вот сволочь... – пробормотал я. – В холодильник ко мне заглядывал, в вещах моих рылся...

Я долил в стакан и выпил. Прислушался к ощущениям. Легче не стало. Еще двести миллилитров алкоголя ухнуло в пищевод. Вот теперь другое дело! Теперь могу и вырубиться, успеть бы добраться до кровати...

Успел. Рухнул прямо на коробки из-под пиццы, закрыл глаза...

Перевернулся на бок, потом на другой. Лег на живот. Посчитал овечек, прыгающих через забор. Посчитал козочек. Потом – кенгуру. И все равно не спалось.

Перед глазами настойчиво маячил кошмар *того* дня.

* * *

– Очень рад! Очень-очень рад!

Прораб сверкал отличными зубами и вообще выглядел так, будто только что спрыгнул с рекламного щита образцово-показательной стройконторы.

Желтый новенький шлем аккуратно сидел на аккуратно подстриженной башке. Из-под козырька с неподдельным восторгом смотрели на меня честнейшие карие глаза. На ногах блестели надраенные ботинки. Брючки с отглаженными стрелочками поддерживал широкий – очень мужской! – ремень. К такому удобно пристегнуть чехол для мобильного – конечно же, вместе с мобильником. И повесить на него еще сумку для инструментов – конечно же, без инструментов. А рубашка в клеточку и с короткими рукавами демонстрировала чистые – ни единого армейского тату! – предплечья. Тонкий намек на то, что бессмертная душа прораба свободна от смертных грехов, которых не избежать на полях сражений, а значит, ему можно доверить номер банковского счета на Каймановых островах и юную красотку-дочь.

– Вы даже не представляете, как я рад! – тараторил прораб, то и дело забегая передо мной и мешая пройти, из-за чего мне приходилось останавливаться и отодвигать его в сторону. – Какая радость, что вы почтили нас! Рад! Рад вас видеть!..

Пока он демонстрировал мне лояльность и прямо-таки собачью преданность, его подчиненные делали вид, что трудятся, не покладая рук и не разгибая спины. Ну и не щадя живота своего – то есть без обеденных перерывов.

И правильно: зачем обедать, если завтрак еще не закончился? Вон «козел» аккуратно застелен скатеркой. На ней столовые приборы, напитки и закуски. Напитки, кстати, алкогольные. И ладно, бывает. Но приборы-то, как и барные стулья, расставленные вокруг «козла», – из той подсобки, в которую их вчера занесли и которую я лично запер на ключ. Единственный ключ. Чудеса да и только!

Я двинул в обход по просторному залу лучшего клуба города – клуб обречен стать лучшим! – и настроение испортилось окончательно.

Потолок не готов, им вообще не занимались. Лишь одна стена покрыта штукатуркой. Пол даже не начинали выравнивать...

При этом красавчик слева якобы дырявил перфоратором отштукатуренную стену, к которой ему вообще не следовало прикасаться. Электроинструмент, кстати, не был подключен к сети, но красавчика это мало заботило. Видать, он считал меня идиотом, который не сообразит, что беззвучно сверлить перфоратором стены на нашей планете научатся нескоро, то есть никогда.

А в правом углу девушка модельной внешности елозила по плинтусу сухой кисточкой. И ни одной банки с краской в пределах видимости! Да и плинтус не закреплен, пол ведь не готов!

И такое тут куда ни глянь!

Зато все работяги в чистеньких – ни пятнышка! – оранжевых комбинезонах с кучей кармашков, пришитых где только можно и где только не нужно. И у всех головы защищены касками, ноги – наколенниками, локти – налокотниками, плечи – наплечниками. Дай им еще перфорированные алюминиевые щиты, замени строительный инструмент на резиновые дубинки – и всё, вылитые агнцы из спецназа, хоть сейчас на разгон демонстрации бабуль, недовольных задержкой пенсии.

Если раньше строители работали не шатко, не валко, то сегодня они даже не приступали еще к служебным обязанностям. Это в полдень-то!

А ведь клуб «Янтарь» – клуб Макса Края и Патрика! – по плану должен открыться через неделю, в мой день рождения! Пригласительные на мероприятие отпечатаны и уже розданы жителям Вавилона!

– Я говорил, что очень рад вас видеть? – Передо мной вновь образовались отличные зубы и новенький шлем. – Если нет, то я рад вас видеть!

– А я тебя нет. Если твоя шарашка сорвет мне открытие, я!..

– Что вы, что вы! Все будет готово в срок! Мы рады, что вы обратились именно к нам!

Я открыл рот, чтоб наорать на него и построить тут всех, заставить хоть что-нибудь сделать.

Но так и хлопнул, не сказав ни слова.

Глядя в честные глаза прораба, мне захотелось достать пистолет и вышибить ему мозги. Потому что ругаться с ним и его манекенщиками у меня не получалось.

Махнув рукой, я двинул к выходу, на ходу набрав номер Милены.

Ну что сегодня за день, а? Башка ни с того ни с сего разболелась. И мобильник дражайшей супруги постоянно вне зоны доступа – как всегда, небось, забыла аккумулятор зарядить.

Хорошо, мой корейский девайс в подзарядке не нуждается. Индикатор неизменно показывает 42%, будто его заклинило на этих двух циферках. А все потому, что батарейка сделана из «кондера» – прибора, добытого на Полигоне. Для тех, кто не в курсе: приборы Полигона – вовсе не те вещицы, что окружают нас в быту. Приборами военные называли инопланетные артефакты, разбросанные по поверхности Земли неподалеку от Вавилона. Так что трубка

у меня не самая обычная, досталась она мне при весьма интересных обстоятельствах. Аж передергивает, когда вспоминаю, при каких именно...³

Зато денег мы с Миленой заработали тогда прилично. На них-то, на нетрудовые доходы, и строю клуб.

Я двинул к блестящему черному джипу со знаком радиационной опасности на капоте и мощным турбодизелем под капотом. Подойдя ближе, в очередной раз залюбовался решеткой радиатора, прожекторами на крыше и обводами кузова. Это есть мой гламурный железный конь 4×4, которого я называю просто и незатейливо – Танк.

Спрятавшись за тонированными стеклами, я с удовольствием вдохнул запах новенького кожаного салона. Первым делом включил крохотный телевизор. Звуковой фон рекламы меня настраивает на мирный лад. Глядишь, и боль в башке отпустит. Пристегнулся – только идиоты рискуют понапрасну – и направил Танк на штурм ухабов и ям, ведь бронированный внедорожник для Макса Края не роскошь, но средство передвижения. Попробуйте на японской малолитражке покататься по нашим дорогам, и вы поймете, о чем я.

Припарковав машину во дворе, неподалеку от дома, в котором семейство Краевых снимает однокомнатную квартиру, я поднялся по грязной лестнице на нужный этаж. С недавних пор мы могли позволить себе собственную квартиру, и куда просторней, но моя блондинка-жена никак не могла выбрать для нас подходящее гнездышко. Поэтому пока что мы жили там, где и прежде. Разве что купили огромный плоский телевизор и обновили гардероб Милены.

– Что за?.. – вырвалось у меня.

И я выхватил из кобуры пистолет.

Дверь нашей квартиры была приоткрыта.

В груди тяжело забухало сердце. Я чаще задышал, ладони вспотели. В квартиру ворвались грабители? Маньяка поразила красота Милены? Или это визит вежливости хэдхантеров, желающих получить вознаграждение за мою голову от тех, кто отсек Вавилон от всего мира колючкой, рвами и минными полями?!

Кто бы это ни был, ничего хорошего ждать не приходилось.

Держа пистолет перед собой и стараясь ступать тихо-тихо, – лаги под ногами безбожно скрипели, – я прокрался в собственное жилище. Прямо в прихожей на полу валялось нижнее белье Милены, чуть дальше лежала ее скомканная юбка, дверцы шкафов были открыты, а вещи разбросаны по всей комнате. Короче говоря, в квартире царил полный хаос.

Я облегченно выдохнул. Потому что беспорядок – это полный порядок. Непонятно выражаюсь? Ну, как бы поточнее объяснить... Моя жена – красавица, и в постели ей равных нет, и стреляет она как заправский снайпер, и дерется, точно шаолиньский монах, но что касается домашних дел... м-да... Готовит она так, что от завтраков у меня изжога, от обедов – расстройство желудка, а ужин я вообще не рискую есть, благодаря чему до сих пор жив. Что же касается уборки, то любимая до такой постыдной низости попросту не опускается.

– Милена?! – позвал я, хотя в одной комнате тяжело спрятаться. – Патрик?!

Может, вышли куда? И женушка просто забыла дверь закрыть? Сама она, конечно, могла бы забыть, но ведь с ней наш пацан, а значит, амнезия исключена, он не позволил бы мамаше...

Заглянув по пути в ванную и в сортир, я зашел на кухню. Пищеблок у нас самый обычный: раскладной стол, старенький холодильник, электроплита, электрочайник, и все это освещается электролампочкой, подвешенной к потолку вместе с пыльным плафоном. Если бы супруге и сыну вздумалось-таки сыграть со мной в прятки, им попросту негде было бы скрыться.

³ Подобнее об этих событиях в романе А. Шакилова «Герои Зоны. Полигон».

И еще – никаких следов насилия, борьбы или возни я не обнаружил.

Итак, можно сделать вывод, что...

М-мать моя женщина, что за чертовщина, а?!

Надо сесть и спокойно все обдумать, решил я и, выдвинув из-под стола табурет, плюхнулся на него. И тут рассеянный мой взгляд наткнулся на толстый белый конверт и рядом с ним лист бумаги – все это преспокойно лежало на столешнице, на самом виду. Загребущие пальчики потянулась к конверту, потому что толще. Но на листе виднелись каракули Милены. Множество исправлений, корявые буквы – ее почерк с другим не спутаешь. В правом нижнем углу листа из-за жирного пятна бумага стала полупрозрачной. Как же это похоже на мою благоверную: положить послание на грязный стол... Оставив конверт в покое, я взял письмо жены и принялся читать.

«Гори в аду, подлец! Будь проклят тот день, когда я встретила тебя. Правильно отец говорил, чтобы с тобой не связывалась. Ты никогда меня не любил. Ты просто животное. Тварь. Ненавижу! Я ухожу от тебя и забираю Патрика. Тебе нет прощения, ты сам виноват, ты предал нас. И не ищи меня, это бесполезно. Когда ты вернешься домой, в эту затхлую дыру, в которой ты заставляешь нас прозябать, мы будем далеко от Вавилона. Мы навсегда улетаем из этого мерзкого города. Прощай, ублюдок. Чтоб ты сдох!»

Отсутствие запятых, где надо, лишние знаки препинания и орфографические ошибки – все это окончательно уверило меня, что дичайшие обвинения адресованы мне и написаны Миленой, а не кем-то другим. Любовь моя ведь получила образование в колонии для малолеток, а не в институте для благородных девиц.

С трудом разбирая отдельные слова, мрачняя с каждым новым предложением, я продолжал декодировать шифровку жены.

«P.S. Алименты клянчить не буду, да ты и не сможешь их выплатить, потому что я не позволю тебе узнать, где мы. Поэтому я забираю весь твой долг сыну сразу. Эти деньги понадобятся Патрику, чтобы вырасти нормальным человеком, а не таким...»

Уж простите, но дальнейшую грязь я цитировать не буду.

Итак, по поводу прочитанного напрашивались следующие выводы: 1) я – подлец, 2) Милена ушла от меня вместе с Патриком, 3) она забрала наши деньги.

Не считите меня меркантильной сволочью, но я поспешил к тайнику, где хранился чемоданчик с наличностью, изъятой у работяг. Мы тогда освободили множество якобы пропавших без вести детишек... Чтобы добраться до чемоданчика, я лег на пол в нашей единственной комнате и заглянул под диван. Именно там мы хранили свои миллионы. Ну не в банк же было их нести и класть на депозитный счет?

Денег на месте не оказалось.

Гля-муха, да что случилось-то?! Какая пчела укусила мою благоверную?! Надышалась испарений лака для ногтей в салоне красоты, вот и приключились видения?!

Заламывая руки, я заметался по квартире.

Милена всегда отличалась скверным характером, но не до такой же степени! Какое еще предательство?! Мне никто другой не нужен, я люблю ее, дуру!..

Сам не заметил, как вновь оказался на кухне.

Плюхнулся на табурет – и вспомнил о конверте.

Он был полон фотографий.

Фоном на первом снимке служило заведение на открытом воздухе: белые пластиковые столики среди пихт, фонтанчик, официанты в отдалении. А главным героем сюжета был я

– бывший сталкер Макс Край. Я позировал в окружении полуголых девиц. Все участники фотосессии держали фужеры. А я еще вцепился в пузатую бутылку из-под шампанского. Но я ведь вообще не употребляю алкоголь, давно в завязке! Навсегда отказался от пищевых спиртов, когда Милена сообщила, что у нас будет ребенок! Это был один из самых моих счастливых дней в жизни...

На следующем фото девицы рядом со мной уже избавились от одежды: гладкая кожа, напряженные сосочки, вычурные прически в интимных местах...

Листаем дальше. Меня целуют: блондинка – без-обидно в щечку, брюнетка не очень безобидно – в шею, и совсем уж развратно рыжая особа присела и приблизила свое личико к моему паху. *К якобы моему паху!* Попрошу это особо отметить!

М-да, а следующие фото совсем уже взрослые...

– Что за хрень?! – Зачем-то сунув пачку фотографий обратно в конверт, я ударил кулаком по столешнице, едва не проломив ее. – Этого не было! Это ложь!!!

И вместе с яростью накатила обида.

Как могла Милена, жена моя, мать моего ребенка, поверить бездарным фальшивкам?!

Я заскрежетал зубами. Кто посмел подбросить сфабрикованный компромат наивной вспыльчивой блондинке?! Врагов у меня предостаточно. Я ведь в международном розыске как беглый преступник и организатор волнений в районах, прилегающих к ЧЗО. Меня обвиняют в попытке захвата власти и чуть ли не в организации государственного переворота. Срока давности по моему делу нет. Но весьма сомнительно, чтобы комитетчики стали клепать липу на Максима Краевого только для того, чтобы насолить ему уходом жены. Ерунда, глупость...

Я обхватил голову руками.

Заурчал, затрясся холодильник. Внизу сосед упрекал сожительницу в том, что она ведет распутный образ жизни, а та грозила ему черепно-мозговой травмой посредством сковороды, если не заткнется. За окном по проспекту промчалась кавалькада байкеров, на скорости паливших в воздух из «калашей».

Отдавшись ярости, думая о том, кто виноват, я упустил главное.

Жена ушла от меня вместе с сыном. Она собиралась улететь из Вавилона. А значит, мне срочно нужно в аэропорт. Как это – «не ищи нас, это бесполезно»?! За кого Милена меня принимает?! Самолеты в нужном направлении курсируют не так часто, как троллейбусы и маршрутки по улицам. Да и рейс могли отложить: погодные условия, угроза теракта, то-сё, пятое-десятое... Есть шанс перехватить блудную семейку в зале ожидания!

Не теряя ни секунды на рефлексии, я выскочил из квартиры, скатился по лестнице и выбежал из подъезда.

Запрыгнув в Танк, я вырулил со двора и, наплевав на светофоры, помчал в аэропорт.

Народ на пешеходных перекрестках шараялся в стороны, из подрезанных машины стреляли мне вслед, но я не обращал внимания на эти мелочи. «Милена, блондинка безмозглая, если хочет, пусть валит куда угодно, – думал я, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев побелели. – Но сына я ей не отдам! Патрик останется со мной!»

У въезда на большую автостоянку при аэропорте под Танк кинулась проворная бабулька в платье по пятки и с черным платком на черепе. Ну точно, тля, обвешанная гранатами шахидка! За долю секунды до столкновения я заметил в ее сухонькой артритной лапке авоську с тропическими фруктами, а в следующий миг, резко вывернув руль и вдавив педаль тормоза в пол, вогнал Танк в фонарный столб.

Удар был сильным, но к счастью, столб выдержал, не рухнул на ряд общепитовских ларьков, предлагающих оголодавшим гражданам полезную шаурму и диетические чебуреки, лечебную самсу и куриные шашлычки, повышающие интеллект, – это если верить креатив-

ной рекламе на ларьках. Слоганы я успел изучить, отдирая грудную клетку от руля. Надо было не экономить и купить машину с подушкой безопасности.

Передок Танка смяло, будто по нему со всей дури бахнули здоровенной кувалдой. Из-под «гармошки» капота повалил дым. Сейчас, как в кино, машина вспыхнет и красиво взорвется, разметав по округе горящие обломки и хорошенько прожаренные стейк и филей Макса Края. А у меня на борту даже огнетушителя нет! Со стоном – ушибленные ребра напомнили о себе – я вывалился из салона и приземлился прямо под ноги старушечки-«шахидки». Вместе со мной выпала пачка пригласительных на открытие клуба, которая завалилась в салоне.

– Слушай, куда едешь, да?! – с отчетливым кавказским акцентом заголосила старушечка и всплеснула руками, из-за чего авоська с фруктами описала пологую дугу в нижних слоях атмосферы. – Купил права, да?! Купил машину задорого, так все можно, да?!

– Простите. – Я встал на колени и рывком – грудину обожгло болью – выпрямился в полный рост. – Я приношу свои глубочайшие извинения и хочу...

– Еще хочешь?! Тебе мало, да?! Стариков не уважаешь, да?! Женщин не уважаешь?!

Бабка явно жаждала скандала.

Запереть Танк? Да кто на битое задымленное железо позарится? Под аккомпанемент возмущенных криков бабульки, я со всех ног помчал к зданию аэропорта.

По пути пришлось обогнуть такси, водила которого лупил кулаком по клаксону, требуя, что его пропустил шикарный спортивный кабриолет. За рулем кабриолета подводила губы юная гурия в красном платье. Позади, откуда пахло шашлыком, орали, не жалея глоток, одетые в черкески торговцы. Они никогда не смыкают глаз и не закрывают рот, расхваливая свой товар и хватая за руки прохожих. Аэропорт хоть и не принадлежит ни одной ОПГ, располагается в секторе клана «Кавказ».

Метров за двадцать до раздвижных стеклянных дверей я перешел на быстрый шаг. Вход в пассажирский терминал – он же выход – патрулировали боевики местных кланов общим числом до взвода. Они внимательно разглядывали прибывших и убывающих и любого могли допросить, потребовать дополнительную плату за въезд Вавилон, либо вообще не пустить в город, а то и не выпустить из него. Само собой, все бандиты были вооружены. У нас даже дети со стволами ходят, так что ветеранам из ОПГ сам бог велел выходить на работу в бронежилетах, касках да с автоматическим оружием наперевес.

Я все ближе к дверям терминала.

Лица «пограничников» – каменные маски.

Пристальные взгляды ощупывали меня с ног до головы. Один бандит – «азиат» – сделал движение мне навстречу, и я награбил его за храбрость таким взглядом, что его отнесло назад на пару метров.

Двери раскрылись, я прошел в здание. Шаг, еще шаг, еще... Мне запросто могли выстрелить в спину. Последние два метра до синей разделительной полосы – и все, зона контроля пройдена. Дальше – добро пожаловать на территорию, не подвластную кланам! Боевики «Азии» или, скажем, «России» не сунутся на нее, даже если там начнется разнузданная оргия, и всем желающим будут вручать золотые слитки. Как и на ЖД-вокзале, здесь крайне не приветствуется ношение любого оружия. Так решено главарями кланов. Надо, чтобы приезжие могли себя чувствовать в безопасности хоть где-нибудь, верно? Поэтому я старался двигаться так, чтобы пистолет не выпирал из-под куртки.

В аэропорте за покой и порядок отвечает специальная охрана. Типа тех двоих, что как раз неспешно прогуливались по просторному залу ожидания, в который я проследовал первым делом. Черные кепки, черные брюки и куртки, под куртками отнюдь не белые футболки. На ногах, конечно, очень темные ботинки. Не удивлюсь, если нижнее белье у охранников тоже соответствующего цвета. И вообще, надо было негров брать на работу, а то взяли каких-